

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Е. Р. КУРИЛОВИЧ

ЗАМЕТКИ О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА

§ 1. Предпринимавшиеся доныне попытки определения семантических систем¹, по крайней мере относительно некоторых семантических категорий, следует рассматривать как исходную точку для дальнейших исследований, которые решат и вопрос о правильности этих определений. Общим для всех этих попыток является, повидимому, понятие противоположности (opposition). Вопрос состоит в том, можно ли считать противоположаемые друг другу значения элементарными единицами, иначе говоря, вправе ли мы, и на каком основании, принимать для слова или для грамматической категории (например, множественного числа) одно общее значение, заключающее несколько частных, т.е. значение, осуществляемое в нескольких употреблениях. Многие современные языковеды (главным образом представители так называемых структуралистических направлений) дают на этот вопрос положительный ответ. Если они правы, возникает проблема метода, позволяющего определить общее значение на основе непосредственных данных, т.е. памятников языка, диалектологических записей, наблюдений над фактами разговорного языка и т.д.

Р. Якобсон пользовался терминами «основное значение» (Grundbedeutung) и «частные значения» (spezifische Bedeutungen), среди которых он выделял еще «главное значение» (Hauptbedeutung)². Не трудно понять, что «основное значение» соответствует здесь термину «общее значение». Начиная с 1935 г., автор настоящей статьи употребляет термины «первичная» и «вторичная» (семантическая) функция³. «Первичная функция» совпадает с «главным значением» у Якобсона, «вторичные функции» тождественны с прочими «частными значениями»⁴. Употребляемые в разговорном языке выражения: «собственное (буквальное) и переносное значение» (sens propre, sens figuré) предполагают существование какой-то иерархии между разными употреблениями слова. Понятно, что непо-

¹ Семантические в противоположность синтаксическим. Термин же лексический относится к изолированным фактам в отличие от фактов, подчиняющихся законам грамматических явлений языка. Ср. лексикализация и грамматикализация. Эти две противоположности скрещиваются.

² См. R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 6, 1936, стр. 244, 252—253.

³ См.: «Études indo-européennes», I, Kraków, 1935, стр. 197; «Le problème du classement des cas», «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego», zes. IX, Kraków, 1949, стр. 26, где различаются семантические и синтаксические функции, из которых только первые подвергаются здесь наблюдению; «L'accentuation des langues indo-européennes», Kraków, 1952, стр. 46—49, 499—500.

⁴ Общее значение (Grundbedeutung) осталось при этом в стороне.

средственно данными являются значения «частные», выступающие в конкретных условиях (в контексте).

§ 2. Важность контекста издавна признавалась не только языковедами, но и авторами практических словарей. В известных словарях издательства Туссэна-Лангеншейдта применялся целый ряд условных знаков, определяющих обстановку, ситуацию, контекст, в которых данное слово встречается в специфическом употреблении. Например, изображения цветка, якоря, зубчатого колеса, скрещенных молотов, ноты и т. п. обозначали соответственно область ботаники, судоходства, техники, горного дела, музыки и т. п. (по Словарю Ушакова: бот., мор., тех., горн., муз.). Тот факт, что значение слова составлено из элементов самостоятельных плюс элементов, придаваемых ему контекстом («полем употребления»), К. Бюлер иллюстрирует (*Sprachtheorie*, 1934, стр. 180—181) следующей аналогией: долгота музыкального тона дана с самого начала формой ноты, но высота его обусловлена позицией ноты в отношении к окружающим нотам.

Под контекстом в широком смысле мы разумеем здесь не только словесную обстановку, но и те элементы внешней ситуации, которые определяют значение. Контекст в этом значении играет иногда решающую роль, например, при местоимениях и местоименных наречиях. Такие слова, как *я*, *ты* и т. п., получают свое полное содержание только в отношении к внешней ситуации; с другой стороны, *этот*, *тот* и подобные могут или обозначать какой-либо предмет, или относиться к слову (существительному) контекста. Те элементы ситуации или контекста, которые позволяют нам определить содержание местоимений, мы называем *указательным контекстом* (Zeigfeld Бюлера).

В данном случае мы имеем в виду не указательные функции местоимений, но семантические функции других частей речи, имеющих самостоятельное коммуникативное (символическое) содержание. Следует строго различать семантические и синтаксические контексты. Синтаксическое употребление слов влечет иногда за собой рамочное изменение значения, как бы переход в другую часть речи. В предложении *Слепые увидят, глухие услышат* прилагательные употреблены самостоятельно, без поддержки определяемого ими существительного, и хотя по форме остаются прилагательными, все-таки их синтаксическая самостоятельность подвергает их влиянию семантических факторов, придающих им значение, свойственное существительным (слепые, глухие люди). Существительные, употребляемые исключительно в синтаксической функции определения глагола, переходят в наречия; ср. старые формы творительного падежа *верхѣм*, *кругѣм*.

Что же касается семантического контекста, то самое главное здесь то, что некоторые — именно вторичные — употребления слова определяются посредством семантической обстановки — в противоположность первичной функции, которую нельзя определить контекстом.

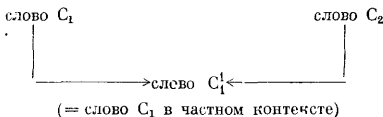
В некоторых случаях определение элементов, составляющих контекст, не представляет никаких затруднений, особенно, когда дело идет не об обособленных словах, а о целых грамматических категориях. Так, когда язык имеет только одну форму для перфекта, или неопределенного прошедшего (*passé indéfini*), и для аориста, или определенного прошедшего (*passé défini*), первично является функция неопределенного прошедшего. Определенное прошедшее обусловлено контекстом, а именно либо наречием, либо другими, глагольными формами, к которым относится определенное прошедшее (главным образом в тексте рассказа). Легко устанавливаются контексты в большинстве случаев и для косвенных падежей. Употребление данного косвенного падежа обусловлено

или глаголом (*поднять руку, махнуть рукой*), или семантикой глагола в тесной связи с зависимым от него существительным (например, *он ел всю ночь: глагол движения и существительное, означающее промежуток времени*).

§ 3. Определение же семантического контекста лексических единиц — дело гораздо более сложное. Систематическое исследование этой проблемы — одна из важнейших будущих задач языковедения, особенно семантики¹. Мы здесь оставляем ее в стороне, чтобы перейти к другому вопросу: все ли вызываемые семантическим контекстом оттенки значения интересуют языковеда или только некоторые из них?

Одним из важнейших принципов языковедения является следующий: из того факта, что данное слово отражает две или несколько разных физических или психических действительностей, не всегда следует делать заключение о его многозначности (полисемии). Никто не сомневается в том, что с лингвистической точки зрения значение слова *есть* в сочетаниях *есть личицу* и *есть яблоки* тождественно, хотя физиологическая разница между этими двумя действиями довольно значительна². Разницы между *мыть* и *стирать* не существует в немецком и английском языках, в которых соответственный термин (нем. *waschen*, англ. *to wash*) один и тот же³. Руководясь контекстом, говорящий механически добавляет или отнимает от общего значения слова семантические элементы, являющиеся составной частью не данного значения, а контекста. Здесь мы имеем дело лишь с мнимым влиянием контекста на значение.

В каком же случае можно говорить о действительном влиянии контекста на значение? Изменение смысла слова внутри контекста заметно тогда, когда оно совпадает со значением другого, существующего в языке слова (или оборота) или когда образуется семантическое отношение между данным словом и другим словом, повторяемое в системе данного языка. Схема этого отношения примерно такая:

Слово C_1^1 — это, с одной стороны, C_1 с вторичной семантической функцией, с другой стороны, синоним слова C_2 или слово, играющее по отношению к C_2 роль производного (конечно, только по смыслу, а не по звуковой форме). Формально C_1^1 совпадает с C_1 , семантически же — с C_2 .

Пример: слово *морда*. В первичном значении оно употребляется по отношению к животным, во вторичном, более или менее обусловленном контекстом и внешней ситуацией, по отношению к человеку. Это вто-

¹ Так, например, в выражении *каменное сердце* прилагательное может быть употреблено или в собственном, или в переносном значении. В первом случае речь идет о каменном изображении сердца. Во втором случае переносное употребление прилагательного зависит от такого же употребления существительного (в значении «чувствительность, характер» и т. п.). Переносное значение слова *сердце* само обусловлено дальнейшим семантическим контекстом (в котором, например, говорится о психических чертах какого-нибудь лица).

² Ср. L. Z a w a d o w s k i, *Rzeczywisty i pozorny wpływ kontekstu na znaczenie*, «Sprawozdania Wrocławskiego towarzystwa naukowego», R. 4, 1949—Dodatek 2, Wrocław, 1952.

³ Несмотря на то, что *он моет руки* и *он стирает белье* передается одним глаголом (например, англ. *he washes his hands, he washes his linen*).

ричное значение является стилистически сильно подчеркнутым вариантом (синонимом) слова *лицо*¹.

Вторичное значение слова *вошь* встречаем, например, в термине *растительная вошь*, который, в свою очередь, является синонимом слова *тля*. Между термином *растительная вошь* и словом *тля* существует только разница стилистического их употребления (один чаще в научной, другой — в разговорной речи), при тождественности коммуникативного (символического) содержания. Этот пример отличается от предыдущего тем, что здесь целая группа² (*растительная вошь*) входит в синонимическое отношение с другим словом (*тля*), но в переносном смысле употреблено только *вошь*, в то время как термин *растительная*, включенный, впрочем, с самого начала в понятие «тля», сохраняет свое значение.

Синонимы интересуют нас здесь постольку, поскольку они связаны с многозначностью (полисемией). Экспрессивные формы и стилистические варианты (оба эти рода вариантов можно бы объединить общим термином *стилистических* в широком смысле слова) могут, конечно, являться независимыми от контекста, самостоятельными словами; ср. разницу экспрессивности между *отец* и *бабушка*, *живот* и *брюхо* и т. п.; с другой стороны, стилистическую разницу: *супруга* и *жена*, *священник* и *поп* и т. д. Во многих случаях разницы эти передаются в русском языке уменьшительным суффиксом (*водка* — *водочка*, *чай* — *чайку* *бы попить* и т. п.) или противопоставлением родного и иностранного слова (*самолет* — *аэроплан*). В таких случаях экспрессивный или стилистический оттенок является первичной семантической функцией синонима.

Но большее значение для семантической теории представляют такие синонимические слова, экспрессивность или стилистическая функция которых не дана (как в случае *бабушка*) с самого начала, но объясняется их вторичной семантической функцией (как в примере *морда*).

Действительное влияние контекста на значение происходит также в тех случаях, когда языковой контекст образует с данным словом слитную семантическую единицу, значение которой не отвечает сумме их значений, как, например, *собаку съест*, где целое выражение обусловлено семантическим контекстом («В науках, что называется, собаку съел». Салтыков-Щедрин). Существенным признаком фразеологического оборота является как раз его *глобальное* значение, не делимое на семантические элементы, отвечающие его членам.

В случае метафоры, такой, как *владыка моря* (кит), к контексту, определяющему значение слова *владыка*, относится, кроме дальнейших элементов, и *море*, употребляемое здесь в собственном значении. Но в обороте *собаку съест* ни один из двух членов не образует семантического контекста другого; контекст влияет на фразеологический оборот как на семантическую единицу.

§ 4. Все это напоминает аналогичные явления в фонетике. Один и тот же языковой звук может, с одной стороны, иметь две разные фонологические функции, с другой же — представлять собой комбинаторный вариант другого звука. В определенном положении (в конце слова) русские звонкие *б, д, г* совпадают с *п, т, к*, которые, таким образом, приобретают две функции: первичную функцию *п, т, к* и вторичную *б, д, г* (например, в *боб, год, враг*). С другой стороны, *п, т, к* являются комбинаторными вариантами звонких (в конце слова). П о н я т и е к о м б и н а т о р н о

¹ Ср. определения значения слова *морда* у Ушакова: «1) Передняя часть головы животного, соответствующая лицу у человека; 2) Лицо (вульг.)... Некрасивое, безобразное лицо; человек с таким лицом (вульг. пренебр.)».

² В значении не «синтаксическая группа», а «идиоматическое словосочетание» или «оборот».

ных вариантов совпадает здесь с чередованием самостоятельных фонем (*б:п, д:т, г:к*). Но термин «комбинаторные варианты» употребляется и в более широком значении, например, в случае разных произношений немецкого *k* в *Kind, Kahn, Kuh* или русского *а* в *брат* и *братъ*. Такие варианты большей частью не создаются говорящими. Палатальное (передненёбное) *k* в *Kind* равняется фонеме *к* плюс мягкость, которая, не встречаясь в других фонетических условиях, ощущается говорящими как относящаяся только к обстановке (т. е. к следующей гласной).

Такие варианты, не имеющие значения для фонологической системы языка (хотя и могут стать исходной точкой фонологических изменений), напоминают мнимое влияние контекста (вроде *есть личицу: есть яблоки*), которое в определенный момент истории языка может перейти в действительное влияние контекста и повлечь за собой дифференциацию единого термина.

Для независимых от контекста экспрессивных или стилистических вариантов (вроде *батюшка*) тоже имеется фонетическая аналогия, именно в виде так называемых факультативных вариантов. Так, например, *ч* в *конечно* и подобных словах произносят или *ч* или *ш*. В некоторых говорах вместо взрывного *г* произносят соответствующий щелевой. У многих говорящих по-русски взрывной и щелевой — факультативные варианты, зависящие от внешних условий (стиля) разговора. Аналогичные явления наблюдаются и в области аканья.

Наконец, и фразеологический оборот с его глобальным значением находит свое соответствие в фонетике. Он напоминает стягивание двух фонем в одну новую по сравнению с ее составными частями. Например, в санскрите *а + і* переходит в новую фонему *е*, занимающую определенную позицию в фонологической системе этого языка.

§ 5. Что касается мотивированных (производных) слов, то здесь вопрос вторичных семантических функций более сложен, так как, с одной стороны, семантический контекст влияет на смысл слова как целого, с другой же стороны, основа производного слова часто модифицирует значение аффикса. Основа является тогда семантическим контекстом аффикса.

Пример на первый случай: *вюн* (*виться*) 1) длинная, юркая рыба; 2) переносное значение, синоним к «юркий, вертлявый человек». Этот случай не отличается от вышеприведенных примеров (*морда, тля*).

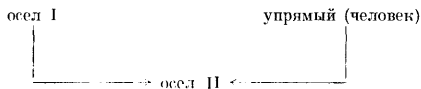
Рассматривая, с другой стороны, например, производные на *-щик* (*-чик*), мы убеждаемся, что главной (первичной) функцией этого суффикса является образование от *ы м е н н ы х* названий *л и ц*. На каких же объективных лингвистических фактах основано это наше убеждение или языковое чутье? Закон словопроизводства допускает образование посредством суффикса *-щик* (*-чик*) названий *лиц* и от имен, и от глаголов: *суконщик, угольщик; покупатель, переписчик*. Это, конечно, влечет за собой и разницу в семантическом оттенке производного слова. В первом случае подчеркнуто отношение к обозначаемому основным словом предмету (*сукно, уголь*), во втором — деятельность (*покупать, переписать*). Возникает вопрос, важны ли эти оттенки с лингвистической точки зрения или нет. Сопоставление синонимов (*покупщик — покупатель, переписчик — писатель*, причем *-тель* обозначает исключительно деятельность) показывает, что 1) оттенок деятельности, вызванный глагольной основой, следует считать самостоятельным, находящимся и в других суффиксах, и что, следовательно, 2) оттенок этот является вторичной семантической функцией суффикса *-щик*, стилистически подчеркнутого (разговорного) в сопоставлении с *-тель*.

Серии производных слов, объединенных общим суффиксом (вообще

аффиксом), разбиваются, таким образом, на несколько групп, причем внутри каждой из них суффикс сохраняет единство своей функции. Но между этими функциями существует иерархия, хотя в конкретных случаях ее иногда трудно определить.

§ 6. До сих пор мы пользовались терминами «первичная» и «вторичная» функция, соответствующими главному и (остальным) частным значениям, не обращая пока внимания на общее значение в понимании Якобсона. Оно является своего рода абстракцией, с трудом поддающейся формулировке.

Например: рассматривая слово *осел* (I — животное, II — глупый или упрямый человек), мы не сомневаемся в том, что II — значение переносное и вторичное. Этимология дает нам, конечно, только хронологическую последовательность I и II, не решая проблемы синхронической иерархии. Значения I и II имеют общий семантический элемент¹, черту глупости или упрямства. Значение II является метафорой с аффективным оттенком, опирающейся на существование в языке термина нейтрального (с аффективной точки зрения), имеющего чисто коммуникативное содержание (т. е. только коммуникативную функцию, без аффективной примеси). Итак:

Это значит, что употребление *осел* II вторично по отношению к *осел* I, так как *осел* II является аффективной формой, замещающей термин *упрямец*. С другой стороны, *осел* I — форма, не опирающаяся на какое-либо другое название этого животного, — не имеет никакого аффективного оттенка, являясь символом с чисто коммуникативным содержанием.

В общем определении значения слова *осел* должны, таким образом, отпасть как частные понятия «животное» и «человек», вместо которых мы подставляем понятие «живое существо, глупое и упрямое». Но слово *осел* вряд ли употребляется в применении к другим животным.

Что касается суффиксов, обозначающих деятеля, снабженные ими слова часто обозначают в разных языках не только лица, но и животных и предметы (орудия). Таким образом, общее значение этих производных было бы: «тот или то, что делает что-либо».

Общее значение — это абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее. Наше личное возражение против введения этого понятия основано на невозможности интеграции качественно различных элементов, а именно — коммуникативного содержания и аффективных (стилистических) оттенков. По нашему мнению, самое важное — главное значение, то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста. Обогащая этот контекст, мы получаем дальнейшие частные оттенки частных значений и т. д. Известно, что это семантическое разветвление иногда довольно усложнено.

§ 7. В тесной связи с первичной и вторичными семантическими функциями находится и теория кальки. Объяснение калек, как вообще объяснение любого языкового нововведения, будет удовлетворительно тогда, когда примет форму пропорции, иллюстрирующей подражание образцу.

¹ Если нет общих семантических элементов между I и II, мы имеем дело с двумя разными словами (омонимами).

Так как кальки образуются двуязычными субъектами, термины пропорции принадлежат в этом случае двум разным языкам. Так, например, в случае французского *gratte-ciel* «небоскреб», являющегося калькой английского *sky-scraper*, действует пропорция: англ. *sky-scraper* I: англ. *sky-scraper* II = франц. *gratte-ciel* I:?

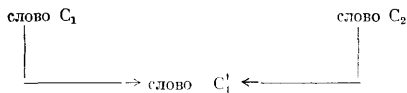
Слово *sky-scraper* имеет первичное значение деятеля (nomens agentis с морфемой *-er*): «тот (или то), что чешет, скребет». Значение «многоэтажное здание» является вторичным (в английском слово употребляется и в смысле: «человек длинный и худощавый»). Французский язык образует сложные nomina agentis, прибегая к типу с глаголом в первом члене (*gratte-ciel*).

Само по себе *gratte-ciel* могло бы употребляться и в смысле «высокое дерево», «громоотвод», «самолет» и т. п. Для всех этих значений «небоскреб» был бы подходящей метафорой, но специфическое значение «многоэтажный дом» заимствовано из английского.

Калькируя иностранный термин, мы придаем родному слову, уже существующему или нарочно для этой цели образованному, значение которого совпадает с первичным значением иностранного, вторичное (переносное, производное) значение последнего. Именно это подразумевает под «передачей внутренней формы» иностранного слова Л. А. Булаховский («Введение в языкознание», II, 1953, стр. 125)¹.

Есть два главных источника обновления родной лексики: с одной стороны, изменение значений, т. е. употребление существующих уже слов в новом смысле, а с другой стороны, образование новых слов по законам словопроизводства. Те же две возможности существуют по отношению к кальке. Нуждаясь в родном слове, в которое можно бы вложить специфическое иностранное содержание, мы или ищем и находим подходящую форму в актуальной лексике, или ее образуем. Единственная разница между внутренней эволюцией и заимствованием значения та, что в последнем случае мы подбираем форму (старую или новую), первичное значение которой совпадает с первичным значением иностранного образца, и придаем ей вторичное значение последнего.

§ 8. Различие между первичной и вторичными семантическими функциями слова и их определение, без сомнения, важно для практической работы лексиколога. Но еще важнее внутренняя связь, существующая между многозначностью (полисемией) слова и его синонимами. Две области проблем, какими являются для лексиколога полисемия и синонимика, образуют одно целое. Рассматривая схему

мы замечаем, что переход от C_1 до C_1' совершается для одного и того же слова; это переход от первичного к вторичному значению. С другой стороны, C_2 и C_1' — две разные лексические единицы, но с общим коммуникативным содержанием и стилистическим оттенком в C_1' . Если C_1' представляет собой вторичную функцию C_1 , то в случае отношения $C_2:C_1'$

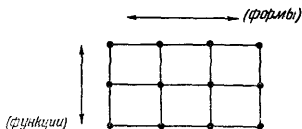
¹ Таким образом, «внутренняя форма» совпадает с «главным значением» или «первичной семантической функцией» слова.

можно говорить о первичной и вторичной форме (с тождественным содержанием) или о стилистическом чередовании форм.

И в грамматике наряду с первичными и вторичными функциями мы различаем первичные и вторичные формы. Значение сравнительной степени связано в английском языке или с морфемой *more* (+ положительная степень), например, *more convenient* «удобнее», или с суффиксом *-er*, например, *clearer* «чище». Но эти два приема не равноправны: суффикс *-er* прибавляется только к прилагательным односложным или несущим ударение на последнем слоге. Прилагательные же с другим местом ударения, не поддающиеся положительному определению¹, образуют сравнительную степень посредством прибавления *-er*. Итак, первичной формой является описательное (перифрастическое) образование компаратива².

§ 9. Определение контекста иногда затруднительно, но в таких случаях имеется еще один критерий, тесно связанный с предыдущим. Это критерий максимального различия, состоящий в том, что значения или формы имеют первичную функцию в тех условиях, в которых максимально различаются, вторичную же там, где разница между ними частично исчезает. Разница между C_1 и C_2 (например, *осел: упрямец*) касается коммуникативного содержания, но в случае C_1^1 (вместо C_2) дело уже только в экспрессивном оттенке³. То же самое происходит и в области формы. Разница между *convenient* и *more convenient* — разница слова и группы слов, но *clear:clearer* является только противоположением двух простых слов. Вопрос, какое предложение — с глагольным или именным сказуемым — является первичной формой в индоевропейских (и других) языках, нетрудно решить, пользуясь критерием максимального различия. От синтаксической группы предложение с глагольным сказуемым отличается формально (морфологически) наличием личного глагола (*manus manum lavat*), но предложение с именным сказуемым (*omnia praeclara rara*) — только специфической для предложения интонацией⁴. Таким образом, первичная и характерная форма предложения — предложение с глагольным сказуемым.

§ 10. Иногда семантическую систему языка приравнивают к сети, образующейся вследствие разложения действительности (как физической, так и психической) на элементы. Таким образом, ячеек сети различны в разных языках по форме и величине. Эта метафора допускает более целесообразную интерпретацию. Сеть состоит из нитей и узлов:

¹ Целью определить их иначе как термином: с неограниченным ударением.

² Было бы, конечно, неправильно считать разными формами те, различие которых объясняется чисто фонологически. Морфологическая структура немецких форм множественного числа *Geister* (окончание *-er*) и *Wälder* (*-er* с так называемым *Umlaut*) тождественна, так как отсутствие изменения корневой гласной в *Geister* вытекает исключительно из фонетической системы языка.

³ Из этого следует, что хотя теория семантического контекста сама по себе еще не разработана, следствия влияния контекста ясны: они лучше всего определяются термином «синкретизм» в смысле частичного совпадения или приближения значения двух слов.

⁴ Предложение типа *тиха украинская ночь* нельзя, конечно, признать номинальным в принятом выше смысле, так как в сопоставлении с группой (*тихая украинская ночь*) оно характеризуется морфологически («краткой» формой прилагательного).

Узлы представляют собой пункты встречи первичных семантических функций с первичными формами. Вертикальные же нити — вторичные функции, не имеющие специальной формы (=не пересеченные горизонталями). И наоборот, отрезки горизонтальных нитей, не пересеченные вертикальными, соответствуют вторичным формам.

Понятно, что узлы образуют, так сказать, остов или скелет целой системы. Вторичные функции опираются на первичные, вторичные формы основаны на первичных. Соотношению между основным и производным словом соответствует переход от узла к узлу (изменение формы и функции).

§ 11. Поверхностному наблюдателю может показаться, что лексикологическое исследование пользуется менее точным методом, чем грамматический анализ. В действительности общая схема исследования в обоих случаях одна и та же: определение для данной формы первичной (т. е. главной) и вторичных функций, для данной же функции — первичной (главной) и вторичных форм. Полисемия и синонимика, влияние контекста на значение и чередование форм, неразрывно между собой связанные, создают единство как грамматического, так и лексического исследования, придавая и этому последнему строго научный характер.